

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. ГРЕЧА
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЕГО ВРЕМЕНИ
(К 230-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**

© 2017 г. О. В. Никитин

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета, Россия, 105005 Москва, ул. Радио, д. 10А
olnikitin@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию 18 августа 2017 г.

**LINGUISTIC VIEWS OF NIKOLAJ I. GRECH IN THE CONTEXT
OF THE PHILOLOGICAL TRADITION OF HIS TIME
(ON THE 230TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE SCHOLAR)**

© 2017 Oleg V. Nikitin

Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian and General Linguistics of the Moscow State Region University, 10A Radio Str., Moscow, 105005, Russia
olnikitin@yandex.ru

Received by Editor on August 18, 2017.

Статья посвящена анализу научного наследия крупнейшего филолога XIX в. Н.И. Греча (1787-1867), занимавшего весомые позиции в общественной и культурной жизни России того времени. Его труды по языкознанию во многом забыты, но при этом содержат интересные детали лингвистической биографии его поколения, приоткрывают завесу скрытой филологической полемики разных школ и направлений, представляют их автора как самобытного мыслителя, отлично владевшего ремеслом творца словесности и её бытописателя. Рассматриваются проблемы лингвистической методологии, связанной с учебными руководствами Н.И. Греча по грамматике русского языка, которые были популярны особенно в первой половине XIX в. Написанные в духе логико-филологических представлений о языке и выдержавшие критику, они до сих пор показательны как факты научной методики, применявшейся в гимназиях при обучении родному языку. Эти работы оказали большое влияние на последующую традицию. Автор статьи обратил внимание и на нетрадиционную область профессиональной деятельности ученого – историю языка, которая только начинала пробуждаться под влиянием немецкой компаративистики, романтических тенденций в литературе, интереса общества к историческим корням, фольклору и традиционной культуре. В историко-лингвистических идеях Н.И. Греча, несмотря на их некоторую традиционность и незрелость именно с позиции диахронического языкознания, прослеживается авторская позиция, приводятся оригинальные примеры и сравнения. Приведенные факты показывают ученого как передового исследователя, проникавшего в неизведанный мир эволюции языка. Анализируются также редкие примеры, свидетельствующие об отношении Н.И. Греча к заимствованию слов и новым тенденциям в языковой практике его времени.

The article analyzes the scholarly heritage of the largest philologist of the 19th century Nikolaj I. Grech (1787-1867), who held significant positions in public and cultural life of Russia of that time. Now his works on linguistics are largely forgotten, even though they contain interesting details about the linguistic and biographical history of his generation, reveal hidden linguistic polemics of different schools and trends, represent their author as an original thinker, who possessed the great literary skill and surely was a Master Chronicler. Here we discuss the problems of linguistic methodology associated with training manuals (textbooks) by N.I. Grech on grammar of the Russian language, which was popular especially in the first half of the 19th century. Written in the spirit of logical-philosophical notions about the language and time-tested by criticism, they are still interesting as facts of scholarly and scientific methodologies used in Russian public schools for teaching the native language. These works greatly influenced the subsequent tradition. The article

draws attention to not-so-traditional area of professional activities of the scholar – the history of language, which was just beginning to awaken under the influence of the German comparative studies, romantic trends in literature, of interest to historical roots, folklore and traditional culture. In historical and linguistic ideas by N.I. Grech, despite their somewhat conservative tendency and immaturity, from a position of diachronic linguistics, the particular author's position is evident, supplied with unique examples and comparisons. These facts disclose the scholar as a leader in his field, able to penetrate into the unfathomed depths of language evolution. Here there are also analyzed the rare examples revealing N.I. Grech's attitude towards the borrowing of words and to the new trends in linguistic practice of his time.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, лингвистическая методология, филология, философия языка, происхождение языка.

Keywords: the Russian language, grammar, linguistic methodology, philology, philosophy of language, the origin of language.

Николай Иванович Греч. Фото 1865 г.

Личность Николая Ивановича Греча (1787–1867) еще в XIX столетии вызывала интерес у современников своей неутомимой и разнообразной деятельностью на ниве просвещения, начиная с его участия в Вольном обществе любителей российской словесности и издания журнала “Сын Отечества”, чьи патристические порывы были благожелательно встречены обществом, и продолжая политической и цензурной “охранительной” службой, оригинальными языковедческими работами и учебными книгами, романами, литературными путешествиями и мемуарами, полемикой с Пушкиным... Он часто был в центре дискуссий и слухов и привлекал к себе внимание порой резкостью суждений, “реакционными”, как раньше писали, взглядами, включенностью во многие события культуры и общественной жизни России и, безусловно, своей позицией филолога, четко определявшего приоритеты научной традиции и отстаивавшего её исторические, национальные корни в условиях

зарождавшегося пламени Золотого века русской филологии. Литераторы так называемого демократического направления (Н.А. Добролюбов) называли Н.И. Греча “поборником лжи и мрака”, другие ценили его за меткий слог и журналистский дар, третьи зачитывались его прозой. Но все они были невольными соучастниками “греческих четвергов”, где всходили и созревали солнечные колосья таланта незаурядного филолога XIX века – Николая Ивановича Греча.

В нашей статье мы не будем касаться его биографии, которая подробно описана во многих источниках [1]; см. лит.: [2, с. 20–21], оценивать общественные взгляды и дискуссии с современниками. Мы попытаемся снова, спустя почти полтора столетия, осмыслить его лингвистическое наследие, проанализировать наиболее важные и актуальные для филологической традиции идеи ученого и соотнести их с научным контекстом противоречивой эпохи XIX века.

При том, что Н.И. Греч служил в разных министерствах и ведомствах, он много занимался преподавательской работой: в начале карьеры в Главном немецком училище св. Петра, в Царском-Сельском лицее, затем в частных пансионах. Тогда еще не было регулярных учебников, удовлетворявших новым требованиям четкого и последовательного логико-грамматического изучения основ русского языка. За такую нелегкую работу по унификации грамматических правил и введению их в учебную и научную практику взялся Н.И. Греч. Со второй половины 1820-х гг. начинают выходить одна за другой “Практическая русская грамматика” (1827), “Пространная русская грамматика” (1827), “Начальные правила русской грамматики” (1828). Все они написаны в русле принятого на рубеже XVIII–XIX вв. философского направления лингвистической мысли и рассматривали языковедческие вопросы почти исключительно с точки зрения синхронной методологии их описания. Лишь первый труд содержал “прибавления исторические и сравнительные” [3]. Ф.В. Булгарин, написавший к нему предисловие, назвал имя А.Х. Востокова как одного из основоположников исторического подхода к описанию явлений языка и заключил, что после издания им своих работ “и собственная русская грамматика поднимется на высшую степень” [4, с.VII]. Этот труд явился основой

для “Практической русской грамматики”, в которой логический взгляд автора был приведен в систему, а исторические “прибавления” исключены.

В нашем распоряжении находилось 2-е издание указанного учебника, состоявшее из Введения и пяти частей: “Этимология общая” (I), “Этимология частная” (II), “Синтаксис, или словосочинение” (III), “Орфоэпия, или произношение слов” (IV), “Орфография, или правописание” (V). Термин “этимология” вплоть до Фортунатовской школы использовался в старом значении: “общая” охватывала рассказ о буквах (=звуках), слогах и словах. Причем Н.И. Греч так же, как и его современники, не различал *букву* и *звук*, а давал приемлемую фонетическую характеристику, например, классифицировал гортанные, язычные и губные согласные, плавные и “немые”. К последним он относил *к, т, п, г, д, б* [5, с. 5].

Самая объемная часть этого труда – вторая. Она объясняла ядро грамматики: части речи, их образование и признаки. Н.И. Греч подробно, с множеством примеров, разъяснял самые важные свойства и отличия категорий. Так, например, наречия он подразделил на “качественные” (*он живет весело*), среди которых выделил группу “относительных” – они “могут означать принадлежность качества, отношение одного к предмету, происхождение от сего предмета” (*этот человек одет щегольски*); “обстоятельные” (*вчера гремел гром*), “времени” – “определятельные” (*доднесь, тотчас*) и “неопределятельные” (*тогда, часто, доколе*); “числа”, “количества”, “повторения”; “степень другого качества”; “место действия”; наречия, “обозначающие свойство и образ бытия, существования предмета” (*непреренно, точно, вероятно*) [5, с. 206–209]. К этой части речи он отнес и так называемые “наречия заменительные”, представлявшие собой сокращения, или стяжения, слов и иногда их замены: *да, нет (несть, не есть), мол (молвил), де (сказал)* [там же, с. 209]. Последние примеры, по его мнению, были произведены из других частей речи [там же, с. 211].

“Практическая русская грамматика” четко структурирована: части разделены на главы, подпункты и параграфы. В книге есть таблицы для запоминания форм, примеры склонения и спряжения. Всё упорядочено и распределено автором по традиционному для философских грамматик признакам, не предполагающим иных точек зрения и фактически диктующим логическую норму описания языка. Даже в трактовке ключевых терминов Н.И. Греч старался придерживаться сложившейся еще с античных времен практики. Так, например, *слово* у него “есть простой или сложный *звук* (выделено нами. – *О.Н.*) голоса человеческого, коим выражается какое-нибудь понятие или чувствование...” [там же, с. 14]; *подлежащее* “есть предмет, о котором говорится в предложении, которому придается или у которого отнимается *суждением* (выделено нами. – *О.Н.*) нашим какое-либо качество...” [там же, с. 221] и т.д.

С практической стороны эта работа интересна как систематическое изложение ключевых правил,

необходимых для овладения основами грамматики, куда он включал и орфоэпию. Поэтому, например, ученый подробно расписывал случаи правописания слов, предлогов и частиц, способы сокращения, употребление прописных букв и иноязычных слов. Конечно, культурная традиция того времени сильно отличается от реалий настоящего дня, и потому у Н.И. Греча встречаются странные, на первый взгляд, требования начинать с прописной буквы “наименование олицетворенных предметов, умственных и отвлеченных” вроде *Она украшена дарами Природы и Искусства* или *Зависть всегда сопутствует Достоинству*; названия месяцев и дней недели, например: *по Субботам* [там же, с. 498–499] и т.п. Но и здесь ученый показывал определенные отличия в семантике слов, которые обуславливали их графические нормы. Так, “если слово имеет два значения, то важнейшее из оных, ближе подходящее к наименованию собственному или к имени предмета умственного..., начинается прописною буквою”: “*церковь*, здание (*церковь Знаменная*), *Церковь*, собрание верующих (*Церковь Христианская*); *двор*, пространство, окруженное забором (агеа), (*птичий двор*), и *Двор*, местопребывание, свита Государя (*аула*), (*Австрийский Двор*); *обитель*, жилище, и *Обитель*, монастырь...” [там же, с. 499].

Актуальным в то время было правописание и произношение иноязычных слов. Н.И. Греч приводил внушительный перечень заимствований на нескольких страницах, по которому можно судить о специфике процесса перехода, обрусения слова. Хотя их и необходимо было писать русскими буквами, но “как можно ближе к произношению” материнского языка. Это – слова *абордаж, абрис, авангард, актер, аллегр, модель, нуль, процент, резон, флёр* и многие другие [там же, с. 500–502]. Степень освоения чужого слова русским языком была различна, поэтому Н.И. Греч в одних случаях говорил о том, что к иноязычным корням были “присовокуплены окончание русских прилагательных и глаголов: *аккуратный, дежурный, капризный*” [там же, с. 503], а в других происходила “порча иностранного слова: *азарт, бутылка, ефимок, мамзель, салфетка, фрейлина*” [там же, с. 503–504] и др.

“Практическая русская грамматика” оказалась полезной ввиду наблюдательности автора над многими явлениями в языке: то, что, по его мнению, устоялось (фонетика, части речи, словообразование и синтаксис), не требовало новых подходов для трактовки; произносительные нормы, вопросы, связанные с правописанием заимствований и т.п., находившиеся в центре внимания ученого и интересовавшие его более с *практической* стороны, описывались им с авторской интонацией. Но и в тех, и в других случаях Н.И. Греч показал себя отличным систематизатором правил, умело подбирая примеры, снабдил книгу показательными схемами и таким образом усовершенствовал методологию грамматической мысли первой трети XIX в.

Этот труд способствовал появлению и других работ Н.И. Греча, написанных и адаптированных для разной аудитории учащихся. Так, “Руководство к изучению

русской грамматики” 1843 г. [6] представляло собой интересное дидактическое пособие с кратким рассказом об истории языка, упражнениями и задачами, например: “Буквы *ск* превращаются в *щ*, следовательно, от слова *искать* происходит *я ищу*, а от слов *плескать*, *прыскать*, *полоскать*?” [6, с. 14].

Другая “Учебная русская грамматика” Н.И. Греча (1851) [7], предназначенная для учащихся военно-учебных заведений, также предполагала практическое освоение теоретических знаний, начиная от согласования слов, склонения и спряжения и завершая задачами исправить ошибки в словах. Здесь тоже есть немало интересных авторских находок, главным образом методико-педагогического свойства.

Затем Н.И. Греч выпустил отдельно только “Задачи учебной русской грамматики” (1852) [8], собственно практикум, в котором, например, были такие задания: “Употребить дательный падеж”, “Отметить творительный падеж” [8, с. 72], “Сократить следующие слова”, “Написать греческие и латинские слова по русскому правописанию” [там же, с. 130], “Написать русскими буквами иноязычные слова” [там же, с. 132] и др.

Эти “руководства” и “учебные книги” издавались не один раз и десятилетиями служили образцами лингвистической методологии в обучении родному языку. Философски-логический авторитет Н.И. Греча был подорван, когда Ф.И. Буслаев в 1844 г. издал учебник “О преподавании отечественного языка”, основанный на других, исторических принципах описания системы языка. Причем он уделил особое внимание тем разделам лингвистики, которые Н.И. Греч почти не включал в свои учебные работы, — лексикологии, стилистике, народной речи, изучению грамматических категорий путем погружения ученика в предметную картину мира, знакомству с древними памятниками и составом их языка и т.д. (см., напр. [9]). С этого времени началась новая эпоха лингвистического творчества.

Теперь обратимся к обзору одного из самых ярких сочинений Н.И. Греча — “Чтениям о русском языке”, где его пылкий ум раскрылся самым необычным образом и без того налета официальности, который сопровождал его учебные труды. Здесь, напротив, присутствовал, как писал сам филолог, элемент занимательности. Эти беседы происходили зимой 1840 г. в начале во Второй Санкт-Петербургской гимназии, а затем продолжились в Императорском Вольном экономическом обществе при полном зале слушателей, в числе которых были государственные сановники высшего ранга, знаменитые ученые и литераторы, “скромные любители словесности” и просто “умные, просвещенные женщины” [10, с. II]. Опасаясь кривотолков, писал Н.И. Греч в предисловии к изданию своих выступлений, он читал лекции по тетрадке, а не выступал свободно перед публикой. Но форма *чтений* предполагала, что лектор будет размышлять вместе с собеседниками о самых насущных проблемах русского языка и вводить их в курс научной европейской мысли.

Первое, на что стоит обратить внимание при изучении текстов выступлений Н.И. Греча, — на его живую, экспрессивную интонацию, широкий эстетический кругозор, полемичность и даже провокационность ряда суждений и отличное владение словом. Н.И. Греча традиционно не относили к компаративистам и историкам языка в том принятом направлении, которое зародилось с именами А.Х. Востокова, И.И. Срезневского и других лингвистов, поставивших перед наукой совершенно другие задачи и приблизивших её к народности как ключевой исторической категории, без которой невозможно духовное, а значит, языковое развитие общества, его культуры. Но Н.И. Греч не стоял в стороне от проникавших в образованную часть населения патриотических призывов. В “Чтениях о русском языке” ученый уделил этой проблеме некоторое внимание, начав с обсуждения вопроса о ценности языка для человека. Говоря о свойствах этой божественной, по мнению филолога, материи, он подчеркивал, что “язык имеет для человека еще одну сторону, важную и драгоценную: он есть признак, отличие, выражение национальности. Языком отличаются великие семейства людей, именуемые народами; он составляет невидимую, но крепкую цепь любви к отечеству” [10, с. 8].

В духе богословов и философов-логиков первой половины XIX в. Н.И. Греч размышлял на общелингвистические темы. Так, он коснулся проблемы происхождения языка, изложив две наиболее популярные в его время точки зрения. По первой, “язык есть непосредственное вдохновение божественной силы, произведение не человеческое, а сверхъестественное и непостижимое” [там же, с. 9]. По второй, “язык произошел от свободного условия между людьми: они согласились между собою называть дерево деревом, камень камнем, человека человеком” [там же]. Последняя позиция представляется Н.И. Гречу явным заблуждением писателей XVIII в. Он её отвергает как “нелепую” и говорит о том, что “язык есть необходимое последствие и творение жизни человека: человек говорит, потому что он мыслит. Всякое таинственное действие природы проявляется и определяется веществом; душа человека осуществляется и становится видимою в его теле; так мысль человеческая воплощается и принимает свой образ в слове” [там же, с. 11]. Он верно подмечал, что в отличие от животных, которые “составляют породы и виды чувственным, бессмысленным соединением”, “люди ведут существование свое, составляют поколения умственной цепью” [там же, с. 12]. И далее ученый выделил, кажется, основное отличие *homo sapiens*'а, заключающееся в том, что “язык... есть действие всего рода человеческого, производимое сношением отдельных лиц между собою” [там же]. Автор завершил обзор такой характерной фразой: “По всем законам умозрения и опыта должны мы заключить, что слово наше есть непосредственный дар Того, Кто создал нашу бессмертную душу” [там же, с. 13].

Далее Н.И. Греч пытался проникнуть в истоки рождения языка, что с высоты научных познаний того времени возможно было сделать только по косвенным

деталю и догадкам. Он и сам этого не отрицал, когда говорил: “Каким образом составились языки или могли составиться в самом начале, мы в точности сказать не можем, ибо не можем вообразить себе человека без языка, без общества...” [там же, с. 15]. Но “рождение языка” (выражение Н.И. Греча), по его мнению, начиналось с гласных, так как “чувствования предшествуют понятиям и мыслям” [там же, с. 17]. Таким образом, ученый придерживался междометной теории, у истоков которой стоял Ж.-Ж. Руссо. Этим подражаниям соответствовали уже словесные наименования треска, грома, шороха, рыкания льва, лая собаки, воркованья горлицы и т.д. Он приводил в доказательство данной точки зрения и такой пример: “В американских языках есть резкие звуки, в которых отзывается шипение змей мексиканских; в языке готтентотов слышно подражание реву африканских тигров...” [там же]. Затем «подражательная» эволюция, как полагал Н.И. Греч, с природных явлений переносилась на выражение чувств: *острый* вкус, *резкие* звуки, *мягкие* цвета и т.д. Интересно такое наблюдение ученого в этой связи: “Почти во всех языках некоторые известные звуки служат к выражению известных впечатлений, например: звук *ст* обыкновенно выражает твердость, неподвижность: *стань, стой, ступи, столп*; греческие *στάσις, στάδιος, στά, στερεις*; латинские *sto, stipes, stamen*; немецкие *stand, stange, stein, steif*; французские *stable, stage, station, statue...*” [там же, с. 18]. Схожие “впечатления” Н.И. Греч находил у звуков *ск*: *сквозь, скважина* (“пустота”), *пл, фл*: *плыть, пламень* (“течение огня, воды, воздуха”), *р*: *рубить, резать, рвать, река* (“резвость, быстрота”). Конечно, с точки зрения современного языкознания, этот взгляд кажется мифическим, но он присутствовал в рассуждениях авторитетных филологов XIX века, еще не имевших представлений об истории фонетических изменений в индоевропейских языках, о законах переходов звуков и не владевших грамотными приемами этимологических исследований. Новая эпоха компаративистики только начиналась в 1840–1860-х гг., и Н.И. Греч, по-видимому, не очень интересовался свежими достижениями сравнительно-исторической лингвистики, оставаясь во многих своих суждениях традиционалистом.

Постепенно, как далее размышлял ученый, эти подражательные слова из “чувственной” области перенесли свое значение “в пределы ума и отвлеченности”. Таким образом, озвученная символика первобытного человека перерабатывала сигналы (звуки, семы) в абстрактные явления, из множества единств получались сообщества слов, менялись их функция и содержание. Наступал следующий этап в развитии языка, который он иллюстрирует таким примером: “...слова *понять, понятие, понимать* первоначально означали взять, схватить, обнять вещь обходом, обложение со всех сторон; потом слово *понятие, понимать* в языке умственном стало означать присвоение себе предмета мыслию. И это отвлечение понятий от чувственных к умственным началось у людей очень рано” [там же, с. 19].

Своеобычные суждения имел ученый и по вопросу о возникновении частей речи. Кроме упоминавшегося им междометия, первичным в эволюции языка он

признавал глагол: “Слова... *мычит, кукует* были ранее, нежели... *туча, вол, кукушка*” [там же, с. 20]. “За глаголом,— полагал Н.И. Греч,— появилось прилагательное, также звукоподражательное, а по прилагательному составилось существительное: предмет наименовали по отличительному его свойству” [там же, с. 21].

Сообразуясь с природной теорией развития языка и в чем-то даже предвосхищая дарвиновский взгляд, ученый в своих воззрениях не раз апеллировал к наблюдениям над возрастной эволюцией людей и теми психическими процессами, под воздействием которых происходит языковое взросление личности. Он не без основания считал, что “в начале слова, как у детей, были односложные; потом развились от них ветви и отростки и составились двусложные, трехсложные и так далее” [там же]. Этот взгляд отдаленно напоминает теорию агглютинации Ф. Боппа, разрабатывавшуюся им в 1830–1850-х гг. [11]. Она связана с его же так называемой теорией корня, по которой в индоевропейских языках слова развились из первичных односложных корней — глагольных и местоименных (см. [12, с. 17]). Был ли знаком с зарождавшимся прорывом в лингвистике Н.И. Греч, сказать сложно. Скорее всего в этих научных “мечтаниях” филолога заметны отголоски общей философско-лингвистической тенденции конца XVIII — первой половины XIX в., господствовавшей в европейской грамматической теории [12, с. 17].

Несмотря на такие “лирические отступления” в беседах (и здесь можно отлично понять автора, выступавшего перед просвещенной аудиторией, где присутствовали далеко не одни ученые), мысли Н.И. Греча интересны своими романтическими наблюдениями, свидетельствующими и о том, что историческая точка зрения на язык и в России уже стала одной из приоритетных в филологической проблематике. Вот, например, что он писал об изменении языка вследствие расселения народов: “Уклоняясь от главного племени, поколения изменяют свой язык от новых понятий, от впечатления новых предметов на их чувства и даже от различных своих упражнений. Замечено, что звероловные народы молчаливее других и беднее выражениями: сторожа за свою добычу, они привыкают к молчанию. Народы кочевые вообще любят сказки и поэзию. Народы оседлые основывают свой язык на правилах неизменных, как жилища. Жители приморские и горцы составляют слова, в которых обитатели средин твердой земли и равнин надобности иметь не могут: у норвежцев есть несколько десятков слов, для названия морского залива, широкого или узкого, мелкого или глубокого, и т.д. Швейцарцы имеют особые выражения для холма всякого вида. Слово *тундра* родилось в Сибири; *лиман* принялось при впадении широких рек в Черное море” [10, с. 22]. В этих пока еще только намеках на сравнительно-историческое изучение языков ученый уловил важные характеристики этнокультурной картины мира.

Действительно, по М. Фасмеру, *тундра* заимствовано из фин. *tunturi* — “высокая безлесная гора” или из

колтта-саамск. *tundar, tuoddar* — “гора”, саамск. норв. *duoddâr* — “широкая гора без леса”, ср. эвен. *dunre* — “тайга”. В памятниках письменности, по данным этимолога, лексема зафиксирована с 1631 г. [13, т. IV, с. 120–121]. Она использовалась с давних пор в речевом обиходе как провинциализм. В.В. Виноградов в “Истории слов” приводил высказывание Н.М. Карамзина: “Сибирское слово *тундра* должно быть в русском лексиконе; ибо никаким другим мы не означили обширных, низких, безлесных равнин, заросших мохом, о которых может говорить поэт, географ, путешественник, описывая Сибирь и берега Ледовитого моря...” [14, с. 1032]. Н.И. Греч, очевидно, знал о более позднем распространении этого слова в Сибири, куда оно перешло вслед за русскими переселенцами в XVII в.

А лингвогеографический бассейн распространения слова *лиман* Н.И. Греч верно “отгадал”. По М. Фасмеру, оно производится от греческого $\lambda\mu\eta\nu$ — “залив”, по другим данным пришло через турецкий, крымско-татарский и кыпчакский *liman* — “гавань, порт” [13, т. II, с. 497].

Н.И. Греч подметил и другую важную черту будущего генеалогического древа индоевропейских языков: влияние иных языков на корнеслов вследствие смешения или, как он писал, “столкновения” с иноязычными народами, в результате чего возникали “новые слова, новые формы и обороты речи”, а “первенство иногда остается не на стороне победителей, а на стороне многочисленных побежденных: В Англии победоносные норманны приняли язык покоренного народа, разумеется, сообщив ему и из своего; в России господствовавшая Варяжская Русь исчезла в подвластном ей народонаселении славянском. Такими средствами мало помалу образуются отдельные языки со своими наречиями...” [10, с. 23].

Высказывался Н.И. Греч и по поводу использования изобретения новых слов и заимствований в русском языке. Его позиция сводилась к тому, что “слова, составленные народом, без умничанья..., по темному чувству его простодушной логики, знакомы и доступны нашему слуху и легко понятны уму”. Например, слово *проем*, обозначавшее “занятие какого-либо пустого пространства, и притом насквозь”, “между деревянной стеною и печью”, исконное, “собственное” [там же, с. 24]. А если необходимо было принимать чужие слова, то народ, по выражению Н.И. Греча, “обделяет их по требованиям своего языка”: “... от *bouteille* бутылка; от греческих имен Исидор *Сидор*; от Ксения *Аксинья*; от Елена *Алена*; от Иларион *Ларивон*” [там же, с. 25]. Другие же “не органические творения природы” он отвергал. Н.И. Греч недолюбливал новые в его время слова *тепломер*, *небосклон*, *землеописание*, потому что они “сами лишены производить другие слова: термометрический, горизонтальный, географический не могут быть выражены словами *тепломерный*, *небосклонный*, *землеописательный*” [там же]. Не воспринимал эстетический вкус филолога и слово *видопись*, сочинение которого “приписано гениальному (так в тексте. — О.Н.) писателю” (его имя, А.А. Бестужев-Марлинский, Н.И. Греч опустил) “и завяло вместе

с листком журнала, на котором поднесли его русской публике” [там же, с. 25–26]. Укоренилось в “техническом” языке, по наблюдениям Н.И. Греча, слово *факт* [там же, с. 26], не вызывавшее у него отторжения. Но он решительно, даже весьма эмоционально выступал против “юродивых исчадий прихоти”, “безвкусий и невежеств”, “которые насильно вторгаются в наш язык, ниспровергают его уставы, оскорбляют слух и здравый вкус!” [там же]. К таким словам ученый относил *вдохновитель*, *вдохновительный*. Филолог так пояснял свое отношение: “Ими хотели перевести слова *inspiré, inspireur*. Но эти слова варварские, беспаспортные, и места им в русском языке давать не должно. Они производятся от слова *вдохновение*, которое само есть производное от глагола *вдохнуть*, как *отдохновение* от *отдохнуть*, *столкновение* от *столкнуть*! [...] А как выразить слово *inspiré*? Жалок тот писатель, который для выражения своей мысли имеет надобность именно в этом слове, а не в другом! Есть тысячи средств выразить одну и ту же мысль. Конечно, из тысячи этих средств только одно истинное, но человек с умом и дарованием легко найдет это средство, и в нем не будет насилия и оскорбления языку” [там же, с. 26–27]. Кого же так поносил здесь неугомонный Н.И. Греч? Может быть, В.А. Жуковского, у которого стихотворение “К Ив.Ив. Дмитриеву” (1831 г.) завершилось таким четверостишием:

А ты цветы, певец, наш вдохновитель,
Младый душой под снегом старых дней;
И долго будь нам в старости учитель,
Как был во младости своей.

Заметим, что слово *вдохновение* для первой половины XIX в. было обычным и встречалось в поэзии Пушкина и Лермонтова, а вот неологизм *вдохновитель*, очевидно, был редок. По данным словарей, он фиксируется лишь у Даля [15, т. I, с. 427] и в литературную практику скорее всего вошел позднее, ближе к концу XIX в.

Возможно, в таких случаях у Н.И. Греча разыгрывали амбиции: он был довольно противоречивой фигурой, неуступчивой и не церемонился со своими противниками и апологетами, часто клеймил их острым журналистским пером, из-за чего получил репутацию “грача-разбойника”. Тем не менее и здесь просматривалась позиция этого неординарного ученого, открыто высказывавшего свои филологические предпочтения.

В исторической части своих “Чтений о русском языке” Н.И. Греч касался и других важных вопросов филологической науки: “как произошла грамота”, древнейшие языки Азии и Европы, отражение народного характера в языке, “свойства и достоинства языка русского”. Размышляя об особенностях египетской и китайской иероглифики, ученый сокрушался и с присущей словотворцу язвительностью писал: “Но как многосложны, как неудобны эти знаки! Всей жизни человеческой едва станет, чтоб выучить их основательно... С этою азбукою остановились и язык

и образование китайцев. Язык остался детским, односложным, форменным. Образование окаменело. Века проходят своим чередом; возвышаются и падают царства; возникают науки и искусства; отверзаются таинства и сокровища природы; дикие народы возносятся на степень просвещенных; христианская вера распространяет благодетельные лучи свои. Китайцы щиплют чайные листья, сжимают ножки своим красавицам, лакируют коробочки и малюют каракулями шелковистые листы своих книжек” [10, с. 32].

Н.И. Греч находил недостаточными и другие алфавиты: “Особенно скудны и бестолковы азбуки языков, происшедших отчасти от латинского, языков французского и английского. В них гораздо более звуков, нежели букв; есть буквы, имеющие по шести разных знаменований; есть и разные буквы и совокупления, которыми изображается один и тот же звук голоса” [там же, с. 34–35]. И только русскую азбуку он считал совершенной, “самой богатой и правильной” [там же, с. 35].

Мы писали, что ученый оставался в стороне от новейших достижений компаративистики, но все же в “Чтениях” он использовал сочетание “общее и сравнительное языкоучение” [там же, с. 40]. А к полезным разработкам в этой области относил “Сравнительные словари всех языков и наречий”, составленные по повелению Екатерины II, и труды А.С. Шишкова. Первый источник действительно был выдающимся трудом для своего времени и собрал сведения о многих редких языках и наречиях — от “камчадальского” до “афинского” (т.е. офенского).

Н.И. Гречу известен был термин “индоевропейские языки”. Он понимал, что санскрит, “оставшись в Азии”, был лишь одной из ветвей данной семьи вместе с *мидийскими* (зендский, персидский), *семитическими* (арабский, еврейский), *греческим*, *германскими*, *кельтическими*, *латинским*, или *римским*, и *славянскими* языками [там же, с. 41–42]. Но при этом он нечетко представлял себе принципы классификации языков мира, подразделяя их на *односложные* (китайский, тибетский, сиамский и др.) и *многосложные*, “к которым принадлежат все прочие” [там же, с. 41].

Примечательно, что в научной литературе начала века, откуда черпал свои знания Н.И. Греч, уже стали появляться статьи о так называемых искусственных, или условных, языках (ученый ссылался на *Труды Московского Общества любителей российской словесности*, том XX, 1820), существовавших “не между ворами, а между торгашами, ходебщиками, суздалами — то есть людьми, которые у древних греков поклонялись Меркурию наравне с вышеприведенными классами. Этот язык называ[ю]т суздальским и — очень странно — афинским” [там же, с. 43].

Интересны размышления Н.И. Греча о национальных чертах того или иного языка: в греческом он видел “пылкое, светлое и игривое воображение, особую музыкальность народа, проявившуюся в обилии звуков языка, по которой он составил и стихи свои и прозу”; “язык римлян есть глагол воинственных, неумолимых победителей, бессмертного сената, величавых

императоров, судей и ораторов”; французский “достойн уважения, что из малых начал и способов сделал удивительное употребление”, он “носит на себе характер народа умного, словоохотного, тщеславного и достигшего высшей степени образования”, это язык дипломатии; английский “способен к выпрренной поэзии, к сильному, дельному витийству, к отправлению дел общественной жизни”; итальянский — “нежный, приятный, мелодический, отличается от прочих языков тем, что богат поэзией и не имеет прозы: она расцвела и увяла с веком Медичи и Льва X”; книжный немецкий язык “богатством, гибкостью, способностью принимать все формы и пользоваться сокровищами других языков занял одно из первых мест между всеми языками”, но в то же время “язык умозрения и науки влачился в оковах педанства” [там же, с. 44–51]. Лишь В. фон Гумбольдт, по мнению Н.И. Греча, преодолел эту “непостижимость”, “выспренность” и “отвлеченность выражаемых идей” немецкого языка и показал “образцы ученого языка благородного, возвышенного, притом ясного и понятного” [там же, с. 52].

Каковы же главные достоинства русского языка? Во-первых, полагал Н.И. Греч, “происходя непосредственно от древнего славянского корня”, он “носит в себе печать отличительной самородности”. Во-вторых, “устройство его в грамматическом и лексикографическом отношении удивительно своею правильностью, отчетливостью, неуклонностью от общих начал, на которых воздвигнуты условия человеческого слова” [там же, с. 54]. В описании родного языка Н.И. Греч прибегал к поэтическим сравнениям, будто “соловей изливает свою разнообразную, неподражаемую и невыразимую мелодию”. Ученый сближал наш язык по богатству и гибкости форм с греческим, почти ставил в один ряд с немецким и просто торжествовал, когда говорил о его “гомерическом” искусстве, позволявшем преобразовать стихию родной речи, как нигде больше: “... румяноланитная дева, и коннодоспешные мужи, и лепокудрая Гера, и ширококоразливное море” [там же].

Ученый показывал, что русский язык составили две стихии — простонародная и церковная, “искусственная”. Но благодаря их синтезу, он выражал “предметы выпрренные и вещи обыкновенной жизни” не только отдельными словами вроде *рот* и *уста*, *щеки* и *ланиты*, *лоб* и *чело*, *топор* и *секира*, но и выражениями, в которых содержится “возвышение понятия от чувственного к умственному, например: *огораживать забором* и *ограждать спокойствием*; *выбеливать стену* и *убелять сединою*, *отбаживаться от вины* и *обожать святыню*” [там же, с. 55].

В синтаксисе, или, как говорил Н.И. Греч, в “совокуплении и порядке слов” в предложении или периоде, русский язык имеет ясные и твердые правила, основанные на “строгой логике” [там же].

В стихосложении, считал ученый, наш язык подражает “гексаметру греческому и латинскому, передает... и шестистопный александрийский стих Расина, и пятистопные ямбы Шиллера, с рифмою и без рифмы;

легок и натурален в комедиях, баснях и эпиграммах; выразителен и уныл в элегиях” [там же].

Н.И. Греч восхищается “удивительным организмом русского слова”, самобытностью и оригинальностью языка, охраняемого “попечением православной Церкви” и ограждаемого “благодетельною Верховною властью от злоупотреблений дара слова в письме и печати” [там же, с. 56]. Он, не скупясь эпитетами, рисовал почти идеальную картину русского языка, который “в характере своем принял какое-то целомудрие и благородство, чуждающиеся дикости, разврата и цинизма в выражениях...” [там же].

В принятом сейчас понимании просторечия, диалектов он видел не возвышенный красивый своими формами и чувственными впечатлениями слог, а провинциальный, без того поэтического воображения, которое принималось в обществе того времени. Оттого, наверное, филолог говорил, что “великороссийский язык почти вовсе не имеет областных речений” [там же]. Вряд ли ему, немцу по крови и лютеранину по вере, были близки душевные порывы творчества русских сказителей, былинных певцов, да и просто живой говор крестьян. Его “охранительный” ум любовался совсем другими произведениями художественного искусства слова.

Но тем не менее наш язык, по разумению Н.И. Греча, в то же время не лишен “свойств народных, веселости, замысловатости, простодушной насмешливости” — эти качества он видел в поговорках и эпиграммах, в баснях Крылова и в комедии Грибоедова [там же, с. 57].

Впервые так подробно и в то же время популярно Н.И. Греч говорил об истории русского языка во “Втором чтении”. Ученый уже намного правдоподобнее, чем его предшественники-писатели XVIII в., показывал связи и сходства родного слова с “коренными” из санскрита, греческого, латинского, германских языков: “Пройдите сравнительные словари сих языков: вы найдете, что почти все корни слов в них одни и те же; только эти слова или потеряли некоторые слоги предыдущие и последующие,... или переменили согласную букву на сходную с нею, напр. *n* на *φ*: *пламя*, *flamma*...” [там же, с. 66]. Но все же более сложные сопоставления, требующие именно сравнительно-исторического и этимологического анализа слова, были, по-видимому, для Н.И. Греча и его слушателей трудны. Так, он ошибся, когда считал родственными лексемы *слон* и *солнце* лишь только на основании внешней схожести и мифологии: “Известно, что у древних индейцев *слон* посвящен был *солнцу* и заменял его изображение. Не достойно ли внимания, что в славянских языках *слон* и *солнце*, *слунце* есть одно и то же слово?» [там же]. Современные исследования [13, т. III, с. 674–675; 710–711] не подтверждают эту точку зрения.

Н.И. Греч прагматичен в своих генеалогиях и опирался на известные ему факты в том числе письменной истории. Он справедливо и корректно писал, что древний славянский язык времени фракийских племен “нам вовсе неизвестен, потому что мы не имеем

никаких его памятников до разделения славянских племен и до перевода на этот язык церковных книг с греческого” [10, с. 67]. Согласно имевшейся в первой половине XIX в. традиции, Н.И. Греч разделит славян на два “поколения”: “великороссиян” и “малороссиян”, которые отличаются и “поныне нравами своими, наречием, одеждою, упражнениями, душевными склонностями и даже чертами лица” [там же, с. 69]. Н.И. Греч задумывался и о проблемах миграции этносов, искал истоки славянской народности: “Мы не думаем, чтоб Россия населена была славянами, пришедшими с юга, от Черного моря, а утверждаем и уверены, что от славян северных, обитателей нынешней России, отделились все прочие племена...” [там же, с. 69–70].

Делая набросок языковой ситуации в Древней Руси, Н.И. Греч видел большую опасность для родной стихии с запада, а не с востока: “Древние отчины князей русских Киев, Смоленск, Полоцк отторглись от своего корня. Это владычество для русских было хуже татарского: оно старалось истребить и дух народный, и чистоту языка, и веру православную” [там же, с. 84].

Интересно отношение “патриархального” Н.И. Греча к преобразовательной деятельности Петра Первого. Как положительный факт той эпохи ученый отметил составление русской гражданской азбуки. И с этого времени, по мнению Н.И. Греча, ознаменовалось “начало гражданской русской словесности”. Однако влияние разных лиц и течений было сильно: “К сожалению, его окружали грамотеи белорусские и малороссийские; всякое латинское слово считали они красотою; русское выражение казалось им слишком простым и низким” [там же, с. 92]. К числу достижений Петра он относил создание судебного, административного и технического языка. В то же время необычайная пестрота заимствований уродовала исконный слог, процветали подражательность и щегольство: “Не должно думать, чтоб тогдашние умники видели несообразность и скудость этого языка! Нет, они в нем щеголяли, как в Тришкином кафтане, считая всякую латинскую или немецкую заплату признаком нового просвещения, которым надлежало отличиться от брадатых отцов и дедов” [там же, с. 93]. Из известных просветителей того времени, оказавших влияние на развитие отечественной словесности, Н.И. Греч прежде всего упомянул А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова. Второго стихотворца Н.И. Греч явно недолюбливал: “Ему не доставало врожденного чувства русского, а что и было в нем, то заглушилось подражанием иностранцам. Ему не доставало того, что творит людей великих, что опережает век и воздвигает себе монументы в потомстве — не доставало гения. Век его в том не виноват. — В какое бы время он ни родился, всегда был бы только подражателем и поставщиком толстых книг” [там же, с. 100–101]. “Единственным образцовым писателем” Н.И. Греч называл лишь М.В. Ломоносова [там же, с. 106].

В “Чтениях о русском языке” собраны интересные россыпи языкотворчества Н.И. Греча, поставившего себя этими публичными лекциями в один ряд с просветителями своего времени. Он отлично знал историю

Российского государства и одним из первых представил картину развития русского литературного языка вместе с эволюцией древних цивилизаций, привлек многочисленные факты из области этнологии и лингвистической географии, освоил значительный пласт научной литературы, которая до него рассматривалась разрозненно. Н.И. Греч же собрал воедино и привел в приемлемые рамки *систему* языковых фактов и взаимоотношений и при этом особо внимательно разбирал древнюю традицию вплоть до конца XVIII в. Так, например, в “Третьем чтении” ученый говорит о значении грамматических трудов М.В. Ломоносова и соотносит их с работами Шлёцера, подчеркивает роль Екатерины II и Академии наук в “оживлении русской литературы”, упоминает Шишкова, Карамзина, Жуковского, уделяет внимание деловому слогу, манифестам Сперанского и Шишкова. Наконец, Пушкину! Именно ему Н.И. Греч отдает “первое место в числе писателей нового времени” [там же, с. 159]. Слова строгой критика, произнесенные публично в его адрес, заслуживают воскрешения в памяти и осмысления:

“Он создал свободный русский стих, не ту звонкую строку, в которой нанизанные стопами слова нередко заменяли смысл, а поэтическую фразу, т.е. полное логическое предложение, облеченное в форму стиха и подчинявшее себе меру и рифму. И не в одних стихах являлся его прекрасный, необыкновенный дар! Он с таким же искусством и счастьем писал в прозе. В первых своих произведениях он играл, можно сказать, шалил языком, но в последних поднялся на высокую степень. Слог его повести *Капитанская дочка* простотою, естественностию, выразительностию и правильностию показывает, какую пользу он принес бы русскому языку, если б жил долее. Он изучал язык прилежно, строго, основательно и нередко удивлял записных грамматиков своими умными, дельными, гениальными выводами и замечаниями. Дарования, ум, творения Пушкина никогда не умрут в памяти русских; никогда не погаснет сожаление о его преждевременной кончине. Какие прекрасные надежды, какие драгоценные ожидания сошли с ним в могилу!” [там же, с. 159–160].

Н.И. Греча, безусловно, стоит отнести к просветителям своего времени. В его сложной, но цельной духовными устремлениями натуре жили лучшие побуждения мыслителя-филолога, призывавшего любить родной язык, ценить его историю и культуру, знать и учиться понимать перипетии линий судьбы родного слова, выразителем которого и был этот замечательный филолог — иностранец по своим корням, но русский в душе.

Педагог и литератор,
Наш грамматик, романист,
В сходках дружеских оратор,
Журналист и юморист,
Муж добра, друг правды, чести,
Старец, полный юных сил,
Все дары, все свойства вместе
Ты в себе соединил,—
И пока в стране родимой

Не умрет родная речь,—
Будет жить и всеми чтимый
Николай Иванович Греч! [16, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Висковатов А.В.* Николай Иванович Греч: Биографический очерк. СПб., 1854. [Viskovatov, A.V. *Nikolaj Ivanovich Grech: Biograficheskij ocherk* [Nikolaj Ivanovich Grech: A Biographic Essay]. St. Petersburg, 1854.]
2. *Карпов А.А.* Николай Иванович Греч // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 18–21. [Karpov, A.A. [Nikolaj Ivanovich Grech]. *Russkie pisateli. 1800–1917; Biograficheskij slovar'* [Russian Writers: Biographical Dictionary. 1800–1917]. V. 2. Moscow, 1992. P. 18–21.]
3. *Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. Т. 1. СПб., 1827. [Grech, N.I. *Prostrannaya russkaya grammatika* [Extensive Russian Grammar]. V. 1. St. Petersburg, 1827.]
4. *Булгарин Ф.В.* Предисловие к Пространной русской грамматике // Греч Н.И. Пространная русская грамматика. Т. 1. СПб., 1827. С. I–IX. [Bulgarin, F.V. [Introduction to Extensive Russian grammar]. Grech, N.I. *Prostrannaja russkaja grammatika* [Extensive Russian Grammar]. V. 1. St. Petersburg, 1827. P. I–IX.]
5. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Издание второе, испр. СПб., 1834. [Grech, N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* [Practical Russian Grammar Published by Nikolaj Grech]. Second Ed., Corrected. St. Petersburg, 1834.]
6. *Греч Н.И.* Руководство к изучению русской грамматики, изданное Николаем Гречем. СПб., 1843. [Grech, N.I. *Rukovodstvo k izucheniju russkoj grammatiki, izdannoe Nikolaem Grechem* [Manual of Studying Russian Grammar Published by Nikolaj Grech]. St. Petersburg, 1843.]
7. *Греч Н.И.* Учебная русская грамматика Николая Греча. (Для учащихся). СПб., 1851. [Grech, N.I. *Uchebnaya russkaya grammatika Nikolaya Grecha. (Dlya uchachshihsy)* [Teaching Russian Grammar by Nikolaj Grech. (For Learners)]. St. Petersburg, 1851.]
8. *Греч Н.И.* Задачи учебной русской грамматики. СПб., 1852. [Grech, N.I. *Zadachi uchebnoj russkoj grammatiki* [Tasks for Teaching Russian Grammar]. St. Petersburg, 1852.]
9. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992. [Buslaev, F.I. *Prepodavaniye otechestvennogo jazyka* [Teaching of Native Language]. Moscow, 1992.]
10. *Греч Н.И.* Чтения о русском языке Николая Греча. Ч. 1. СПб., 1840. [Grech, N.I. *Chenija o russkom jazyke Nikolaya Grecha* [Lectures on Russian by Nikolaj Grech]. Part 1. St. Petersburg, 1840.]
11. *Bopp F.*, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen,

- Altslavischen, Gothischen und Deutschen. 2 Aufl. Bd. 1–3. Berlin, 1856–1861.
12. *Виноградов В.А.* Агглютинации теория // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 16–17. [Vinogradov, V.A. *Agglyutinatsii teorija* [The Theory of Agglutination]. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' pod red. V.N. Yartsevoj* [Linguistic Encyclopedia Dictionary. Ed. By V.N. Yartseva]. Moscow, 1990. P. 16–17.]
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь: В 4-х томах. Тт. II, III, IV. Изд. 2-е, стер. М., 1986–1987. [Vasmer M. *Etimologicheskij slovar': V 4-h tomah* [Etymological Dictionary: In 4 Volumes]. Vol. II, III, IV. 2nd Stereotype Ed. Moscow, 1986–1987.]
14. *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. [Vinogradov, V.V. *Istorija slov* [The History of Lexis]. Moscow, 1999.]
15. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. третье. Т. I. М., 1903. [Dahl', V.I. *Tolkovuj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of Live Great Russian Language]. 2nd Ed. Vol. I. Moscow, 1903.]
16. *Зотов В.* “Педагог и литератор...” // [Приплетено к] Висковатов А.В. Николай Иванович Греч: Биографический очерк. СПб., 1854. С. 3. [Zotov, V. [“Educator and literary man...”]. *Pripleteno k* [Added to] Viskovatov, A.V. *Nikolaj Ivanovich Grech: Biograficheskij ocherk* [Nikolaj Ivanovich Grech: A Biographic Essay]. St. Petersburg, 1854. P. 3.]